

О.А. Романова

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ БЛИЖНЕГО БОЯРИНА А.С. МАТВЕЕВА

Артамон Сергеевич Матвеев являлся видным политическим и придворным деятелем третьей четверти XVII в. Для культуры этого периода характерен кризис традиционных элементов и процесс поиска новых, адекватных эпохе путей развития. В описании этих новаций историко-культурные размышления о XVII в. чаще всего обращаются к таким понятиям, как секуляризация, обмирщение, эмансипация, освобождение, личностное начало, индивидуализация¹. Для понимания уже происходивших или только подготавливавшихся в то время перемен имеет значение реконструкция сферы частной жизни людей.

Исследователи, изучающие частную жизнь в Западной Европе в Средневековье и накануне Нового времени пришли к выводу о том, что в разные исторические периоды к этой области относили разные явления². Употребление термина «частная жизнь» по отношению к России XVII в. также нуждается в пояснениях. Особенностью этого времени было тесное переплетение сфер частной и публичной жизни элиты общества. О.Е. Кошелевой проведено дополнительное разграничение между «частной» и «личной» жизнью представителей элиты Московского государства в XVII в., при этом частная жизнь определена как «жизнь, которая происходит внутри границ частного владения», а личная – как протекавшая «за стенами “комнаты” или личных покоев, закрытых от посторонних глаз»³.

В доступном нам круге источников полнее всего отражены поздние этапы жизни А.С. Матвеева, когда он уже являлся руководителем ряда важнейших центральных государственных учреждений, таких как Посольский, Малороссийский, Аптекарский и ряд других приказов. К этому времени Артамон Сергеевич уже, безусловно, являлся человеком «публичным», то есть он был постоянным участником придворных церемоний, значительную часть его жизни занимала государственная служебная деятельность, но, вместе с тем, именно в это время у него была возможность для открытого выражения своих индивидуальных особенностей и культурных предпочтений. По этим проявлениям возможна реконструкция определенных элементов из сферы частной жизни, в которой можно выделить два основных уровня – повседневно-бытовой и ментальный.

Изучение последнего дает возможность составить представление о ментальных стерсотипах, которые обуславливают собой поведение человека. Несмотря на принадлежность А.С. Матвеева к правительственной элите, мы практически не располагаем источниками, позволяющими глубоко исследовать такие проблемы, как модели семейных отношений и общения с друзьями, восприятие религии, интеллектуальные пристрастия, внутренняя мотивация для служебной деятельности, расстановка приоритетов в системе ценностей. В данном случае будет предпринята попытка решить некоторые из этих задач путем анализа не только нарративных, но и актовых источников, которые, впрочем, более точно отражают повседневное-бытовой срез частной жизни исторического персонажа.

Информация о детстве А.С. Матвеева, которая позволяла бы делать выводы о сформировавшейся у него системе убеждений, очень скудна. Он родился в 1625 г. в семье дворянина по московскому списку (скорее всего в первом поколении) Сергея Матвеева. Вполне вероятно, что интерес к делам внешней политики и к иностранным обычаям зародился у него под влиянием отца, приказного дьяка, который выполнял посольские поручения в Турции и Персии⁴. О матери А.С. Матвеева ничего неизвестно. Вероятно, он был не единственным ребенком в семье, поскольку в челобитных, написанных в ссылке, упоминается о трех его племянниках⁵. Начальное образование он мог получить в домашних условиях, но процесс его духовного формирования происходил преимущественно при дворе, куда Артамон Сергеевич попал в возрасте 13 лет. А.С. Матвеев известен, прежде всего, как человек, приближенный к царю Алексею Михайловичу. Их частные дружеские отношения сыграли определяющую роль в судьбе А.С. Матвеева.

А.С. Матвеев и царевич Алексей Михайлович были почти ровесниками (Артамон Сергеевич на четыре года старше). По данным исследовательницы Г.А. Талиной, царевич Алексей воспитывался вместе с 20 спальниками и стольниками, избранными из дворянских и боярских детей. При совершеннолетию они становились комнатными и ближними людьми⁶. Но А.С. Матвеев не входил в их число. Он был взят ко двору «в жильцах». В своем сочинении Г.К. Котошихин сообщает, что жильцов набирали до 2000 человек⁷. В силу того, что А.С. Матвеев не принадлежал к знатному роду, следующей ступенью в его придворной карьере стал невысокий чин стряпчего. Но уже в этот период Артамон считался «царс-

ким любимцем». Находясь в ссылке, А.С. Матвеев проводил свои дни, «припоминая с молодых лет Его Величества высочайшую и крайнюю к себе и к сыну своему бывшую милость»⁸.

До сих пор причина, по которой А.С. Матвеев удостоился внимания и дружбы царевича Алексея Михайловича, остается неизвестной. По предположению С.М. Соловьева, сближение А.С. Матвеева с царем произошло благодаря посредничеству боярина Б.И. Морозова, который в течение тринадцати лет был воспитателем Алексея Михайловича⁹. Однако мы не располагаем никакими свидетельствами о характере отношений Б.И. Морозова ни с самим А.С. Матвеевым, ни с его отцом Сергеем Матвеевым, который к моменту начала придворной карьеры своего сына (1638 г.) служил дьяком Казанского приказа¹⁰.

Подтверждение особого статуса А.С. Матвеева в то время, когда он занимал еще очень скромный пост головы московских стрельцов, может быть найдено в письмах Алексея Михайловича, относящихся к 1654–1655 гг. Наиболее часто цитируемое исследователями письмо начинается с дружеского, почти родственного обращения: «Друг мой, Сергеич, приезжай к нам поскорее: дети мои и я без тебя осиротели, за ними присмотреть некому, а мне посоветоваться без тебя не с кем»¹¹. В другом послании царя, адресованном «верному и избранному голове нашему Артемону Сергеевичу Матвееву», встречается более традиционное обращение государя к подданному: «верный наш раб». Однако в этом письме Алексей Михайлович пускается в пространные рассуждения о незначительности человеческих возможностей, о грешной природе человека, приводит цитаты из Иоанна Златоуста и просит о снисхождении к своим слабостям: «И в том не осуди, что пишу не чисто от греха, потому что множество имею ево в себе, а о том возбраняет ми совесть писати, что чист от греха. Ох, люто тако глаголати человеку, что чист от греха»¹². Царь подчеркивал, что ни в коей мере не хотел бы, чтобы его письмо поселило уныние в душе Артамона Сергеевича: «Ни на ослабу тебе, ни во отчаяние твоему правому житию... пишу»¹³. После этого вступления царь переходит к государственным внешнеполитическим делам, в которых А.С. Матвеев также должен был сыграть определенную роль, так как к письму прилагалась «тайная азбука» для ведения секретной переписки.

Некоторые частные размышления об отношениях в семье, о христианском смирении перед такими ударами, как смерть близкого

человека, встречаются и в письмах Алексея Михайловича к другим лицам. Они написаны с целью утешения и наставления. В отличие от них, в письме к Матвееву Алексей Михайлович делился своими собственными духовными переживаниями и чувствами, писал о «тяжестях великих душевных», которые его одолевали. Кроме того, другие адресаты заметно отличались от А.С. Матвеева своей знатностью или высоким положением на служебной лестнице. В качестве примера можно привести некоторые царские письма к боярину князю Н.И. Одоевскому¹⁴ и к думному дворянину, воеводе А.Л. Ордину-Нащокину¹⁵.

Рассуждения Алексея Михайловича в процитированном выше письме к Матвееву вполне согласуются с основными идеями, обсуждавшимися в среде «ревнителей древнего благочестия». Согласно формулировке В.М. Живова, в центре духовных исканий того времени стояла идея «нравственного усовершенствования общества, очищения жизни общества от греховных обычаев и привычек»¹⁶. Для достижения этих целей они приветствовали сотрудничество с учеными монахами из Киева, изучение латинского языка, внесение разумных поправок в церковную службу¹⁷. А.С. Матвеев не принимал участия в работе этого кружка, но его самостоятельная деятельность показывает, что он разделял стремление к устранению противоречий между представлениями об истинной вере и необходимостью развития практического разума, что влекло за собой интерес к светским наукам и искусству.

Религиозность Артамона Сергеевича проявлялась в обычных для его времени формах. Он регулярно посещал богослужения, принимал участие в походах царя на богомолья, иногда получал разрешение отпрапляться на богомолье в одиночестве или в сопровождении своего сына¹⁸. В 1662–1665 гг. он, еще будучи стрелецким полковником, на собственные средства построил в принадлежавшем ему селе Пояркове храм Рождества Пресвятой Богородицы. Духовными отцами А.С. Матвеева были весьма влиятельные представители духовенства – преосвященный архиепископ Симеон II Тверской и Кашинский и протопоп Успенского собора Кондрат¹⁹.

О. Поляковой было установлено, что в 70–х гг. XVII в. Матвеев выступил в качестве заказчика иконы («Спас Эммануил с припадающими Артемоном и Евдокией») для дворца в Коломенском²⁰. Изображение Христа в облике младенца имеет большое сходство с портретом царевича Петра Алексеевича, написанным художником

Петром Максимовым и помещенном в «Титулярнике». В нижней части иконы расположены две коленопреклоненные фигуры – мужская в боярской одежде и женская в монашеской мантии. Над ними есть надпись: «Артемон и Евдокия». Изображенные святитель Артемон, епископ Селевкийский, и преподобномученица Евдокия соименны заказчику Артамону Сергеевич Матвееву и его жене Евдокии Григорьевне. Это произведение представляет собой пример проникновения светского искусства в иконопись. Икона отражает действительное положение Артамона Сергеевича, который все свои надежды на будущее связывал именно с царевичем Петром.

Получив традиционное воспитание, Артамон Сергеевич был хорошо знаком с духовной литературой. В своих челобитных, пытаясь оправдаться от обвинений в вызывании злых духов, он приводил цитаты из сочинений Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Кирилла и Афанасия Александрийских²¹. Цитаты, которыми умело оперирует А.С. Матвеев, нацелены на то, чтобы доказать несостоятельность свидетельства против него, так как никто, в том числе и лжесвидетель, в силу своей человеческой природы не может видеть не только злых духов, но и любых духов вообще.

Вместе с тем, Артамон Сергеевич был восприимчив к новым для России веяниям в самых различных отраслях знаний. Хотя в одной из челобитных на имя царя он писал о себе: «...Не до ученья было в ваших государских делах»²², собранная им библиотека позволяет составить представление о его интеллектуальных пристрастиях.

В книжном собрании А.С. Матвеева насчитывается 77 книг на латинском, немецком, греческом, польском, французском, итальянском, голландском языках²³. Известно, что Матвеев не владел ни одним из иностранных языков. Такое количество сочинений, которые он не мог прочесть, объясняется изменением отношения к книге на рубеже Средневековья и Нового времени.

В средневековой России книга являлась для человека предметом, к которому нельзя было относиться как к обычной вещи. А.М. Панченко отмечал особую роль книги в Средние века: «Книга – духовный руководитель и вместилище вечных идей. Само собой разумеется, что вечные идеи не могут заполнять сотни и тысячи томов, ибо вечных идей немного»²⁴. В силу такого восприятия книги человек на всю жизнь выбирал себе ограниченный круг текстов. В

книге всегда искали истину. В эпоху Средневековья ее понимали как духовную ценность, а в Новое время, как интеллектуальное, научное богатство. Книга стала средством познания. Следовательно, в собирании книг начинает приобретать значение и количественный аспект. Большая библиотека укрепляла социальный статус человека, ставила его в один ряд с интеллектуалами.

Повышение интереса к собиранию книг в XVII в. было во многом вызвано соображениями престижа. Г.Ю. Семенова, используя математические методы, проанализировала владельческие надписи на книгах, сделанные боярами, московскими чинами, дьяками, и пришла к выводу о том, что в XVII в. интерес боярства к книге явно уступает интересу, проявленному московскими чинами, которым приходилось достигать всего собственными усилиями. Поэтому образование приобретало для них особое значение, что отражалось на их отношении к книге, которая рассматривалась именно как средство повышения социального статуса. Согласно данному исследованию, наибольшее число родословных и разрядных книг принадлежало именно чинам московского списка²⁵.

Крупные книжные собрания были у Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Стефана Яворского. Значительной библиотекой обладал царь Алексей Михайлович, а также видные государственные деятели, например, А.Л. Ордин-Нащокин, В.В. Голицын. Библиотека Матвеева тоже может считаться довольно крупной для своего времени. Ее опись была составлена в 1677 г., когда состоялось распоряжение о передаче книг Артамона Сергеевича в библиотеку Посольского приказа после его отъезда в Верхотурье, куда он повез с собой часть книг. Как цельная коллекция они не сохранились. Но известно, что в конце XIX в. рукописные книги из его собрания встречались на Печоре²⁶. Что касается состава библиотеки Матвеева, то там можно было найти богословские сочинения, исторические повествования, описания земель, сочинения по риторике, логике, философии, астрономии, грамматике, стихи Вергилия, произведения Эразма Роттердамского²⁷.

Особенностями этого комплекса являются, во-первых, явное преобладание светских книг (по данным С.П. Луппова, религиозные составляют около 20 %), а во-вторых, большое количество сочинений по естественнонаучной тематике и технике (архитектура, садово-парковое дело, чертежи, минералогия, медицина, военное дело). Таким образом, можно сделать вывод о том, что А.С.

Матвеев имел широкий кругозор и мог хотя бы на элементарном уровне ориентироваться в науках.

Степень доверия, которой пользовался А.С. Матвеев, свидетельствует о личных, дружеских отношениях с Алексеем Михайловичем, который обращался к нему как к человеку, равному в интеллектуальном отношении и близкому духовно. Но, вместе с тем, в каждом письме царь подчеркивает, что государевой милости Артамон Сергеевич удостоивается за свою верную службу. В одном из писем Алексей Михайлович дает Матвееву следующие наставления для сохранения этого особого статуса: «...И тебе б, за нашу премногую к тебе милость, наипаче простиратца и служить нам, великому государю, паче прежнего, а садитца б тебе на зеленое дерево в полы, а не наверх»²⁸.

Такое понятие, как «милость государя», было очень важно для любого представителя боярской элиты, и в особенности для А.С. Матвеева, лишенного какой-либо иной поддержки в обществе, кроме этой «милости». Отношение А.С. Матвеева к службе выражено в одной из его челобитных, написанных в ссылке: «Работал вам, государям, чистым сердцем, а не лукавым, и лукавого не помышлял, и впредь помышлять не буду, доднее дышу, и за твое Государское повеление должен и последнюю каплю крови своей источить, и в том свидетельствуюсь Господом Богом»²⁹. Царь Алексей Михайлович в письме к В.В. Бутурлину от 1655 г. сформулировал свое отношение к государственной службе почти в тех же словах, что и А.С. Матвеев: «...Хто к нам не всем сердцем станет работать, и мы к нему и сами с милостью не вскоре приразимся»³⁰. Таким образом, оба они выражают то понимание единства службы государственной и службы монарху, которое было наиболее распространенным в обществе XVII в.

Однако в случае Артамона Сергеевича Матвеева мы сталкиваемся не только с подчинением общему правилу и глубоким внутренним принятием высшего смысла царской власти, когда, как отмечено Б.А. Успенским, «юридические полномочия превращаются в харизматические»³¹. Личные отношения, связывавшие А.С. Матвеева не только непосредственно с Алексеем Михайловичем, но и с царицей Натальей Кирилловной, не могли не оказывать влияния на внутреннее восприятие им своей службы.

Будущая царица Наталья Кирилловна Нарышкина воспитывалась в доме Матвеевых. Ее отец, Кирилл Полуэктович На-

рышкин, был другом Артамона Сергеевича и находился с ним в отдаленном родстве. Брат Кирилла Полуэктовича Федор и А.С. Матвеев были женаты на женщинах из аристократической шотландской фамилии Гамильтон: Артамон Сергеевич – на Евдокии Григорьевне Гамильтон, а Федор Полуэктович – на ее племяннице Евдокии Петровне³².

После того, как Наталья Кирилловна стала женой царя, Артамон Сергеевич стал постоянным участником церемоний, связанных с торжественными событиями в царской семье. Уже на свадьбе у Алексея Михайловича Матвеев стоял «у сенника великого государя» вместе с боярином князем И.А. Воротынским³³. На пирах, посвященных рождению и крестинам царских детей, Матвеев, как правило, находился в покоях царицы³⁴. Наталья Кирилловна часто посылала сыну Артамона Сергеевича угощение с праздничного стола. Например, в день крестин царевича Петра по именному указу царицы на двор к Матвеевым для Андрея Артамоновича было послано: «голова сахару, весом 5 фунт, десять блюд сахаров урочных, по четьи фунта, пять блюд сахаров, леденцов по фунту, всего 15 блюд»³⁵.

Артамон Сергеевич сопровождал Наталью Кирилловну в походах по монастырям³⁶. Отправляясь в подмосковные резиденции (Преображенское, Измайлово, Коломенское) или на Воробьевы горы Алексей Михайлович оставлял царицу на попечение ее отца К.П. Нарышкина и А.С. Матвеева. Записи о царских походах обычно сопровождаются в источниках традиционной формулировкой: «Того ж числа оставлены у государыни царицы боярин Кирилл Полуехтович Нарышкин, да окольничей Артемон Сергеевич Матвеев»³⁷. Представители иностранных государств также отмечали в своих записках близость А.С. Матвеева к царице. Так, например, в сочинении А. Лизека сообщается об особых обязанностях, возложенных на Артамона Сергеевича: «Артамон, первый министр, есть доверенный страж царской супруги, облеченный царем в это звание по особенному к нему расположению»³⁸.

А.С. Матвеев часто приносил царской семье предметы роскоши. Сохранился любопытный список вещей, подаренных Артамоном Сергеевичем в мае 1675 г.: «Великому государю карету черную неметцкую на дуге, стекла хрустальными, а верх раскрывается надвое, а в ней шесть возников темносерые ...государю царевичу и великому князю Федору Алексеевичу карету бархотную черевчатую...

да около кареты письмо живописное, а в той карете шесть возников, да библею неметцкую в лицах, да клавикорты на две охавки; государю царевичу и великому князю Петру Алексеевичу карету маленькую, а в ней четыре возника темнокарие... да круг кареты стекла хрустальные, а на стеклах писано цари и короли всех земель... а у всех карет стекла выдвижные на снурах золотных»³⁹. Все эти подарки были привезены из-за границы или сделаны иностранными мастерами на заказ.

Артамон Сергеевич принимал участие в воспитании царевича Петра. Алексей Михайлович стремился дать сыну широкое образование посредством ознакомления Петра с Западной Европой. Среди его учителей были иностранцы, в том числе и католики. Одним из воспитателей Петра был шотландец Павел Менезий, входивший в окружение А.С. Матвеева и даже состоявший в отдаленном родстве с семейством жены Артамона Сергеевича⁴⁰.

Широко известен тот факт, что Артамон Сергеевич, так же как и его высокий покровитель, увлекался театром. Инициатива, по-видимому, принадлежала Матвееву, так как сначала он завел у себя комедийную труппу из собственных дворовых людей и иностранцев⁴¹, а затем занимался строительством придворного театра в селе Преображенском, где зимой 1674 г. было показано первое представление – «Артаксерксово действо»⁴².

Театр Алексея Михайловича действовал с большими перерывами. Актерский состав не был постоянным. Труппа набиралась в зависимости от числа действующих лиц и исполняемого репертуара. Так, например, Л. Щепотьев писал, что в 1673 г. Матвеев приказал в Новомещанской слободе из мещанских детей выбрать 26 человек в «комедианты» и отвезти в Немецкую слободу к магистру Готфриду⁴³. Так в Москве возникло некое подобие театрального училища. Процесс воспитания актерских кадров сводился к разучиванию очередной пьесы. В диссертации Г.З. Мордисона, посвященной истории театрального дела, установлено, что в творческой деятельности театра Алексея Михайловича приняло участие около 500 человек. Некоторых из них привлекали к работе не один раз. Более половины занятых в представлении актеров были русскими⁴⁴.

При всей своей просвещенности и образованности Матвеев часто действовал традиционными для своего времени методами. Для характеристики этих методов представляет интерес дело по челобитью крепостного, принадлежавшего А.С. Матвееву, иноземца

В. Репского. Этот документ, опубликованный Л.М. Стариковой⁴⁵, позволяет утверждать, что у А.С. Матвеева был домашний театр, в котором играли его крепостные. Хорошо образованный, знавший латинский язык и имевший способности к музыке и живописи, выходец из Литвы Василий Репский писал в своей челобитной: «...Боярин Артемон Сергеевич Матвеев взял меня по неволи мочью своею сильно во двор, держал меня, холопа твоего, скована на Посолском дворе в железах многое время и морил голодною смертию. И будучи, государь, у него, многажды на комедиях на арганах и на скрипках играл неволею по его велению»⁴⁶.

Необходимо отметить, что описываемое дело относится к 1676 г., когда А.С. Матвеев уже был назначен воеводой на Верхотурье и выслан из Москвы. Репский сбежал от него в дороге. Вполне вероятно, что в его челобитной события искажены. В челобитных и сказках А.С. Матвеева, входящих в состав дела, документально подтверждено холопство Репского. Артамон Сергеевич часто ссылался на Соборное уложение, доказывая, что действовал в соответствии с законом. Таким образом, нельзя исключать вероятность того, что участие в придворных и в домашних театральных постановках было принудительным для части актеров. Однако в любом случае несомненной заслугой Матвеева остается организация театрального дела.

Увлечение театром, которое, безусловно, являлось результатом западного влияния, а также деятельность Матвеева по созданию и собирательству книг самого разного содержания говорит об открытости его сознания для восприятия нового.

В качестве примера склонности А.С. Матвеева к новациям можно привести его отношение к проекту уполномоченного саксонского герцога Эрнста Л. Рингубера. В мае 1674 г. он предложил Матвееву собрание таблиц и книг со сведениями о Саксонии, о порядке управления в ней в церковном, политическом и экономическом отношениях и ряд проектов преобразований для России. Матвеев открыл Рингуберу свободный доступ к себе и часто беседовал с ним.

Герцог Саксонский обещал прислать царю ученых математиков, металлургов, ремесленников, землемеров, возможно – учителей для детей знати. Металлурги должны были заниматься разысканием серебряной руды. Географы и математики – определять астрономическое положение различных местностей Московского государства. Предполагалось также исследование северных и восточных окраин.

Иностранные специалисты должны были работать под наблюдением небольших русских отрядов.

По всей видимости, Матвеев принял этот план и получил одобрение царя. Вскоре из Москвы была отправлена миссия во главе с подъячим Посольского приказа Семеном Протопоповым для дальнейшего выяснения дела⁴⁷. Это означает, что Матвеев действительно был готов к введению прогрессивных новшеств, к внесению изменений в традиционный уклад жизни.

Склонность Артамона Сергеевича к новациям ярко проявилась и в повседневной бытовой сфере его жизни. Интерьер дома Матвеева был создан с ориентацией на европейские стандарты. В воспоминаниях Адольфа Лизека встречается описание одной из комнат, где иногда проходили переговоры с иностранными послами. Потолок этой залы был расписан, на стенах висели изображения святых немецкой работы. Но самое большое впечатление на Лизека произвела коллекция часов, собранная Артамоном Сергеевичем: «Так, одни показывал и часы астрономического дня, начиная с полудня (какие употребляются в Германии); на других означались часы от заката солнца, по счету богемскому и итальянскому, иные показывали время от восхода солнца по счислению вавилонскому, другие по иудейскому, иные, наконец, начинали день с полуночи, как принято латинскою церковью. Едва ли можно найти что-нибудь подобное в домах других бояр»⁴⁸.

В описи имущества А.С. Матвеева, составленной при его отправлении в ссылку, есть детальное описание этой же коллекции часов, из которого следует, что они представляли художественную ценность: «Круг медный часовой, на нем личинка немецкая, другой круг часовой же, два постава часовых деревянных резных, писаны сусальным золотом и разными красками; станок часовой порозжей, писан золотом и серебром с подкошки»⁴⁹. В той же описи упоминаются такие предметы, как шкатулки, зеркала, столы немецкой работы, попадаются изящные безделушки, есть портреты⁵⁰.

Присутствие подобных предметов в доме указывает на вкус хозяина, его стремление не отстать от европейской моды. Тем более, что его жилище иногда использовалось и для государственных дел.

В окружении Артамона Сергеевича было довольно много иностранцев. Адольф Лизек в своих воспоминаниях писал, что «немцы, живущие в Москве, называют его своим отцом»⁵¹. Тесные связи Матвеева с Немецкой слободой во многом подкреплялись тем,

что он, как уже было упомянуто выше, женился на Евдокии Григорьевне Гамильтон, принадлежавшей к аристократической шотландской фамилии. Одна из ветвей этой семьи прибыла в Россию при Иване Грозном. С тех пор Гамильтоны служили в русских войсках и при царском дворе.

По некоторым данным, этот брак был не единственным в жизни А.С. Матвеева. В работе Дж. Т. Фурманна, посвященной правлению Алексея Михайловича, есть данные о том, что в 1672 г. газскому митрополиту Паисию Лигариду, отправившемуся в Иерусалим, было поручено получить у Иерусалимского патриарха особое разрешение, которое легализовало бы четвертый брак Артамона Сергеевича⁵². Однако Лигарид так и не добрался до Палестины. Он остановился в Киеве, пробыл здесь до 1675 г., откуда потом был снова вызван в Москву⁵³.

По сообщению Р.Б. Мюллер, патриарх Питирим хотел развести Матвеева с его четвертой женой. Царский духовник Андрей Савинич оказал Артамону Сергеевичу поддержку в обмен на «запись в том, что ему меня слушать и ни в чем не спорить со мною, вся моя воля творить»⁵⁴. Патриаршество Питирима было непродолжительным – с июля 1672 г. по апрель 1673 г. Е.Г. Гамильтон умерла в августе 1672 г., следовательно, учитывая то, что Паисий Лигарид отправился в путь в конце 1672 г., речь о четвертом, недозволенном церковью браке Матвеева шла осенью – зимой 1672 г., а Евдокия Григорьевна была его третьей женой. Артамон Сергеевич женился на ней не позднее 1666 г., так как в этом году у них родился сын Андрей. Однако, описывая события 1666 г., Дж.Т. Фурманн называет известного попольского дьяка Алмаза Иванова тестем А.С. Матвеева⁵⁵. Если ошибка исследователя заключается только в датировке, можно допустить, что первой или второй женой Матвеева была дочь Алмаза Иванова. Сведений о том, на ком Матвеев был женат в четвертый раз, на данный момент не найдено. Источники лишь упоминают о некоей «боярской бояроне турчанке Анне», которая жила на московском дворе у А.С. Матвеева и умерла в 1675 г. от заразной болезни, в связи с чем царь «не указал Артемону Сергеевичу к себе ездить в поход без своего великого государя указу и с двора своего»⁵⁶.

Постоянное общение с носителями западной культуры оказало на Матвеева значительное влияние, которое проявлялось не только в некоторых внешних заимствованиях, но и в укладе домашней жизни. В частности, это выражалось в большей свободе в поведе-

нии женщин. В доме А.С. Матвеева собирались люди, отличавшиеся образованностью, знанием языков. Некоторые из них много путешествовали. Очевидно, они были интересными собеседниками. Жена Матвеева Евдокия Григорьевна тоже выходила к гостям и присутствовала при разговорах⁵⁷. Знаменитой воспитаннице Артамона Сергеевича Н.К. Нарышкиной с юности был привит вкус к театральным зрелищам.

У Артамона Сергеевича было два сына. Один из них, Иван, умер в раннем детстве. Другой, Андрей, которого Н.В. Чарыков называет участником игр Петра, впоследствии стал известным дипломатом петровской эпохи. Артамон Сергеевич старался дать сыну хорошее образование, приглашая к нему в учителя таких энциклопедически образованных людей, как Николай Спафарий. Андрея Артамоновича одевали в европейское платье. А. Лизек подчеркивал нетрадиционность воспитания, которое Матвеев давал своему сыну: «Из всех русских бояр и князей у одного его сына, вопреки народному обычаю, растут на голове волосы, и он учится у иностранцев обхождению, языкам и разным наукам»⁵⁸. Во второй половине XVII в. такой подход к образованию был редким, но не исключительным явлением. Известно, что подобное же обучение проходили сыновья А.Л. Ордина-Нащокина и первого русского резидента в Варшаве В. Тяпкина.

Очевидно, круг общения Матвеева был довольно широким. По роду служебных обязанностей он общался со многими выдающимися людьми своего времени. Наиболее известными представителями его ближайшего окружения являются Стефан фон Гаден и Николай Спафарий. Они были вхожи в дом Артамона Сергеевича и могут считаться если не его друзьями, то, по крайней мере, постоянными собеседниками.

Николай Спафарий–Милеску был неординарной личностью. В Россию молдавский боярин попал в 1671 г. Он знал эллинский, новогреческий, турецкий, арабский, румынский, итальянский, латинский языки. В Посольском приказе он служил переводчиком, принимал активное участие в «книжном строении». В 1674 г. Матвеев принял решение отправить его с посольством в Китай. Вернувшись, Спафарий привез с собой описание Сибири, Монголии и Китая. В челобитной А.С. Матвеева указано, что Спафарий учил его сына Андрея «по гречески и по латине, литерам малой части»⁵⁹. Спафарий был обвинен в колдовстве вместе с Матвеевым, однако избежал его печальной участи.

Стефан (Данил) фон Гаден был выходцем из Польши. Царскую службу он начал в качестве цирюльника в 1659 г.⁶⁰ В расспросе он сообщил о себе, что является «жидовином люторския веры»⁶¹. Гаден служил в войске гетмана П. Потоцкого и попал в турецкий плен, где провел около 10 месяцев. Ему удалось вернуться в Польшу и продолжить службу. В 1659 г., во время осады города Черткова, Гаден попал в плен к боярину В.В. Бутурлину, у которого вылечил 125 человек «государевых всяких чинов людей»⁶², после чего он отправился в Москву. И будучи бакалавром медицины, он служил в Аптекарском приказе и обслуживал самого царя и его семью. У доктора Гадена были ученики. Он пользовался расположением при дворе. Среди документов Аптекарского приказа сохранилось немало личных распоряжений А.С. Матвеева о назначении Гадену довольно высокого жалованья, а также об оказании ему и его родственникам помощи в форме единовременных денежных выплат, размеры которых колебались от 50 до 100 рублей⁶³. Гаден был образованным человеком, знал языки, выписывал книги из-за границы. Своего сына он учил польскому и немецкому языкам, а латыни его обучал Симеон Полоцкий. Во время опалы Матвеева пострадал и доктор Гаден. Его имя фигурировало в доносах. А.С. Матвеев пишет об этом в одной из своих челобитных, оправдываясь от обвинений в том, что «...будто с Стефаном доктором и с Николаем Спафарием чли книгу, и в то время пришло к нам в палату нечистых духов множество»⁶⁴. Доктора фон Гадена к тому же обвинили в покушении на жизнь царя Федора Алексеевича. В доме фон Гадена были обнаружены «сушеные змеи», что, скорее всего, наводило его современников на мысли о колдовстве доктора⁶⁵. Но вероятнее всего, истинной причиной его гибели, а также убийства его сына в ходе стрелецкого бунта 15–17 мая 1682 г. стала именно близость этого человека к Артамону Сергеевичу Матвееву. В записках Андрея Артамоновича Матвеева в качестве причины расправы с фон Гаденом указана «ненавистная антипатия против чужеземных иностранцев»⁶⁶. Еще одной интересной личностью из иностранцев, приближенных к Матвееву, был шотландец Павел Менезий. В 1661 г. он был принят на русскую службу. Первая его встреча с Артамоном Сергеевичем могла произойти в тот момент, когда оба они участвовали в усмирении Медного бунта 1662 г. и были награждены. Кроме того, как было отмечено выше, Менезий был дальним родственником жены Матвеева, Евдокии Григорьевны. Вместе с другом и свойственни-

ком А.С. Матвеева К.П. Нарышкиным он провел четыре года службы в Смоленском гарнизоне. В 70-х гг. XVIII в. Матвеев приблизил к себе Менезия. Именно по просьбе Артамона Сергеевича Павел Менезий и его сын состояли в ведомстве Посольского приказа, в то время как иностранные офицеры должны были числиться в Иноземском приказе⁶⁷. В 1672 г. на Павла Менезия была возложена важная дипломатическая миссия в Вене, Венеции и Риме. Кроме поиска союзников в войне против Турции, Матвеев поручил Менезию «сыскав, приговорить великого государя в службу дву человек трубочей самых добрых, которые б в учении свидетелствованы, на высокой трубе танцы трубить, да и рудознатных мастеров самых добрых, которые знают золотую и серебряную руду, человек дву или трех, или четырех»⁶⁸. Менезий был очень полезен Матвееву, он сохранил связи с Европой и получал оттуда верные сведения о происходивших политических событиях.

Таким образом, иностранцы из окружения Матвеева были незаурядными, высокообразованными людьми, общение с которыми значительно расширяло его кругозор и способствовало формированию у него «западнической» культурной направленности. Анализируя феномен русского «западничества» второй половины XVII в., исследовательница Л.А. Черная противопоставляет А.С. Матвееву его предшественника на посту главы Посольского и ряда других приказов А.Л. Ордина-Нащокина.

Первый из них, по мнению автора, представлял собой так называемый формальный тип западника, интересующегося лишь внешними заимствованиями, а второй «отвергал внешнее следование западному быту и утверждал внутреннее преобразование России по примеру европейских стран»⁶⁹. При этом в качестве примеров формального подхода А.С. Матвеева приведены как раз известные элементы из сферы его частной жизни – интерьер дома, знание античной литературы, увлечение театром, создание в Посольском приказе книг светского содержания. Все это отнесено Л.А. Черной к «декоративному оформлению придворного быта» и «искусству «прохлаждения» на западноевропейский лад»⁷⁰.

Действительно, новаторство А.С. Матвеева носило преимущественно культурный характер, но едва ли справедливым является утверждение о том, что все инициативы в этой области были продиктованы лишь умением царедворца угодить государю. Если при-

нять во внимание частные дружеские отношения, сложившиеся между Алексеем Михайловичем и А.С. Матвеевым на почве общности интересов, а также отношения Артамона Сергеевича с царской семьей, то отмеченное Л.А. Черной свойство «исполнять желания монарха и предвидеть их» предстает в несколько ином свете.

В исследовании российской боярской элиты XVII в., принятом Р.О. Крамми, семейные и дружеские связи, отношения патронажа указаны в качестве определяющего фактора для политической судьбы не только А.С. Матвеева, но и многих других людей, сумевших занять руководящие посты в государстве⁷¹. С этим утверждением нельзя не согласиться, но, вместе с тем, патронаж сам по себе не является препятствием для претворения в жизнь новых творческих идей.

Интересен вопрос о том, как такой яркий, незаурядный человек, каким представляется Матвеев, воспринимался современниками. Источники сообщают об этом довольно мало сведений. Однако известно, что как иностранные дипломаты, так и коллеги Матвеева по приказной деятельности, отмечали его неизменную вежливость, мягкость в обращении. Лизек, например, писал, что Матвеев, присланный царем спросить о здоровье супруги и дочери посла Боттония, сделал это «со свойственной ему ловкостью и лаской»⁷². Исследователи часто цитируют высказывание Сильвестра Медведева об Артамоне Сергеевиче: «Бе человек остр в разуме и к гражданским делам искусен зело».

Доказательством политического веса Матвеева в глазах иностранных государств служит тот факт, что английский король Карл II вместе с посольством, целью которого было выражение благодарности России за поддержку королевской власти во время революции, прислал для Матвеева орден Св. Георгия. По сообщению А.А. Матвеева, этот орден хранился у Артамона Сергеевича «честно без ношения», так как «таких орденов в старосветском платье на себе носить обычая не имели»⁷³.

Значительная часть деятельности Матвеева была связана с Малороссией. Его хорошо знали на Украине. П.А. Матвеев писал, что приезжающие в Москву малороссы «толпились вокруг Матвеева и строили дома вокруг его дома; улица, на которой жил Артамон Сергеевич, называлась Малоросейка»⁷⁴. Когда в руках Матвеева сосредоточилась огромная власть, он приобрел известность, и сведения о нем стали приобретать легендарный характер. Извес-

тна легенда о строительстве его каменных палат, во время которого московский народ и стрельцы, почитавшие Матвеева за справедливость и бескорыстие, поднесли ему в дар на основание дома камни с гробов своих предков⁷⁵.

Возможно, не все приведенные выше свидетельства соответствовали истине. Но даже само существование подобных легенд говорит в пользу значимости данной личности в глазах современников.

Подводя итоги, можно отметить, что характеристика частной жизни Артамона Сергеевича Матвеева, в силу специфики привлеченных источников, получилась весьма мозаичной. Артамон Сергеевич Матвеев своим образом жизни, складом мышления, отношением к новациям был близок к типу государственного деятеля, широко распространившемуся в петровское время. Высокое положение открывало Матвееву простор для нестандартных поступков, что, в сочетании с присущим ему государственным мышлением, позволяло ему успешно реализовывать свои идеи. Новаторство Матвеева во многом носило характер заимствования западных образцов, но, несмотря на ощутимое воздействие европейского влияния, главным в его характеристике остается восприимчивость к новым тенденциям, которые уже существовали в русской культуре XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 57.

² *Репина Л.П.* Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи.: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 27.

³ *Кошелева О.Е.* «Отходя от света сего...». Частная жизнь московской элиты XVII века через призму завещаний // Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. М., 2000. С. 340.

⁴ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV – XVII вв. М., 1975. С. 324.

⁵ История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева. М., 1785. С. 2.

⁶ *Талина Г.В.* Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. М., 1996. С. 84.

⁷ *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 28.

⁸ История о невинном заточении... С. 382.

- ⁹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VI. Т. 12. С. 585.
- ¹⁰ Разрядная книга 1637–1638 года. М., 1983. Л. 350.
- ¹¹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. 12. С. 585.
- ¹² РГАДА. Ф. 27. Приказ Тайных дел. Оп. 1. Д. 100. Л. 26.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Сочинения царя Алексея Михайловича // Московия и Европа. М., 2000. С. 505–509.
- ¹⁵ Там же. С. 529–532.
- ¹⁶ *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 325.
- ¹⁷ *Черная Л.А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999.
- ¹⁸ Дворцовые разряды. СПб., 1854. Т. 3. Стб. 1467.
- ¹⁹ История о невинном заточении... С. 34.
- ²⁰ *Полякова О.* Портреты из семнадцатого века // Наука и жизнь. 1982. № 9. С. 86–89.
- ²¹ История о невинном заточении... С. 13–21.
- ²² Там же. С. 38.
- ²³ *Луппов С.П.* Книга в России в XVII в. Л., 1970. С. 103.
- ²⁴ *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ ... С. 168.
- ²⁵ *Семенова Г.Ю.* Об интересах читателей XVII в. по материалам записей в книгах (опыт применения корреляционного анализа) // ОИ. 1994. № 1. С. 169–178.
- ²⁶ *Луппов С.П.* Книга в России в XVII в. С. 104.
- ²⁷ *Старостина Т.В.* Об опале А.С. Матвеева в связи с сыскным делом о хранении заговорных писем // Ученые записки Карело–Финского государственного университета. Петрозаводск, 1948. Т. 2. Вып. 1. С. 64.
- ²⁸ Сочинения царя Алексея Михайловича... С. 522.
- ²⁹ История о невинном заточении... С. 75–76.
- ³⁰ Сочинения царя Алексея Михайловича... С. 518.
- ³¹ *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 108.
- ³² *Чарыков Н.В.* Павел Менезий. Его дипломатическая и военная служба при московском дворе и предполагаемое наставничество при Петре Великом // ИВ. 1900. № 11. С. 513.
- ³³ Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 876.
- ³⁴ Там же. Стб. 1056, 1070.
- ³⁵ Дворцовые разряды. Дополнения. Стб. 484.
- ³⁶ Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 1088.
- ³⁷ Там же. Стб. 987, 1013, 1034, 1039, 1078.
- ³⁸ Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского

Леопольда к великому царю московскому Алексею Михайловичу в 1675 году // ЖМНП. 1837. № 11. С. 373.

³⁹ Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 1419.

⁴⁰ *Чарыков Н.В.* Павел Менезий... С. 459.

⁴¹ *Рогожин Н.М.* Артамон Сергеевич Матвеев // «Око всей великой России». М., 1989. С. 151.

⁴² Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 1131–1132.

⁴³ *Щепотьев Л.* Ближний боярин А.С. Матвеев как культурный политический деятель XVII в. СПб., 1906. С. 143.

⁴⁴ *Мордисон Г.З.* История театрального дела. Основание и развитие государственного театра в России (XVI–XVIII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992. С. 6.

⁴⁵ *Старикова Л.М.* К истории домашних крепостных театров и оркестров в России конца XVII – XVIII вв. // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник за 1991 г. М., 1997. С. 56–60.

⁴⁶ Там же. С. 56.

⁴⁷ *Чарыков Н.В.* Павел Менезий... С. 590.

⁴⁸ Сказание Адольфа Лизека... С. 369.

⁴⁹ Опись имущества боярина А.С. Матвеева. Цит. по: *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI–XVII вв. М., 1895. С. 222.

⁵⁰ Там же. С. 223.

⁵¹ Сказание Адольфа Лизека... С. 368.

⁵² *Fuhrmann J.T.* Tsar Alexis: His reign and his Russia. Gulf Breeze, 1981. P. 216.

⁵³ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. 12. С. 529–530.

⁵⁴ Цит. по: *Мюллер Р.Б.* Борьба крестьян Шунгского погоста с Тихвинским монастырем (В свете изучения имущественного расслоения крестьян) // ИЗ. 1953. № 43. С. 240.

⁵⁵ *Fuhrmann J.T.* Tsar Alexis... P. 214.

⁵⁶ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 1567.

⁵⁷ *Малиновский А.* Боярин, дворецкий и наместник Серпуховский Артамон Сергеевич Матвеев, начальник государственного приказа посольской печати // Труды и летописи МОИДР. М., 1837. Т. VII. С. 63.

⁵⁸ Сказание Адольфа Лизека... С. 368.

⁵⁹ История о невинном заточении... С. 38.

⁶⁰ *Матвеев П.А.* Ссылка боярина Матвеева // ИВ. 1906. № 9. С. 802.

⁶¹ РГАДА. Ф. 143. Аптекарский приказ. Оп. 2. Д. 987. Л. 3.

⁶² РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 987. Л. 4.

⁶³ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 983, 1013, 1037, 1067.

⁶⁴ История о невинном заточении... С. 13.

⁶⁵ *Хьюз Л.* Царевна Софья. СПб., 2001. С. 95.

⁶⁶ Цит. по: *Хьюз Л.* Царевна Софья. СПб., 2001. С. 95.

⁶⁷ Там же. С. 947.

⁶⁸ Там же. С. 534.

⁶⁹ Черная Л.А. Русская культура переходного периода... С.181.

⁷⁰ Там же. С.185.

⁷¹ *Crummey R.O.* Aristocrats and Servitors.: The boyar elite in Russia, 1613–1689. Princeton, New Jersey, 1983. P. 102.

⁷² Сказание Адольфа Лизека... С. 373.

⁷³ РГАДА. Ф.375. Исторические сочинения. Д. 50. Л. 2.

⁷⁴ Матвеев П.А. А.С. Матвеев в приказе Малой России и его отношение к делам и людям этого края // Русская мысль. 1901. № 8. С. 50.

⁷⁵ Малиновский А. Боярин, дворецкий и наместник Серпуховский Артамон Сергеевич Матвеев... С. 62.

А.Т. Шашков

СИБИРСКИЕ СТАРОВЕРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 70–х –80–х гг. XVII в. И ТАРСКИЙ БУНТ 1722 г.: СВЯЗЬ ВРЕМЕН

В ночь на 22 января 1676 г. наступила трагическая развязка в почти 8–летней осаде царскими войсками Соловецкого монастыря¹: сломав плохо заделанную калитку в стене у Белой башни, указанную предателем Феоктистом, отряд из 50 стрельцов проник внутрь и открыл ворота. Около сотни чернецов и бельцов – последних защитников знаменитого оплота «старой веры» – погибло в яростном бою. Оставшихся в живых к моменту окончания штурма ждали либо жестокие казни, либо тюремные застенки и пытки. Весть о Соловецком «взятии», обрастая леденящими душу подробностями, мгновенно разнеслась по стране. А ровно через неделю после этого в Москве скончался царь Алексей Михайлович. Современные писатели–старообрядцы, и прежде всего находившиеся в заточении в заполярном Пустозерске протопоп Аввакум и его союзники, напрямую связали его мучительную смерть с гибелью Соловецкой обители.

Эти события на какое-то время заслонили собой преследования сторонников «древнего благочестия», одновременно начавшиеся и в других местах Российского государства, в том числе и за Уралом. Так, согласно сообщению одного из списков Головинской редакции Сибирского летописного свода второй половины XVII в., 19 февраля 1676 г. в Тобольск «пришел государской указ (судя по